

Двадцатый год. Деревня Кашино

Дмитрий Налбандян: «Я стремился связать дела и образ Ленина с днем идущим»

У всех у нас нет дня, который мы прожили бы без Ленина. Это даже больше, чем память. Владимир Ильич просто неотделим от нашего сознания, дел и планов, от нашего бытия. Вот так сказано в приветственном адресе, который в свое время был преподнесен Ильичу глуховскими текстильщиками и сейчас находится в Горках: «Ты нужен нам во дни труда, в дни горя, в дни радости...»

Когда это было: глубокая осень, краски предзимья, деревенский народ на улице, Владимир Ильич и Надежда Константиновна среди обступивших их сельчан?

«...Здравствуйте граждане,— сказал Владимир Ильич.

Взяли мы его и Надежду Константиновну под руки и повели в дом, где были накрыты белеными холстами столы. Струнный оркестр заиграл «Интернационал» — об этом мы позаботились с утра. Все мы любовались им. Нас радовало его здоровье, что он был плотный, крепкий, улыбающийся... Разговаривал он с нами попросту, словно крестьянский сын...»

Так повествует запись впечатлений очевидца о приезде Владимира Ильича Ленина в ноябре двадцатого года в де-

ревню Кашино под Волоколамском на открытие первой сельской электростанции.

«Год двадцатый. Деревня Кашино» — о том и написал свою картину художник Дмитрий Налбандян, которая предстала недавно перед зрителем на выставке «Земля и люди». Чем она привлекает? Тем, что это именно картина — широко развернутый рассказ о времени, о событии, о Ленине, о народе. Тем, что и живопись, и композиционное построение, и сюжет, действие, разработка характеров поднимают большую тему, большую идею. Тем, повторим, что это картина о Ленине.

Слово — автору.

— Скажу так,— говорит художник,— вот уже четверть века, как я живу в своих трудах ленинской темой. Каждый раз, приступая к новому холсту, чувствую, будто сдаю экзамен не только на художественную, но и на идейную зрелость. Вот и здесь мне хотелось показать замечательнейшую сторону личности, дел, забот Владимира Ильича — быть вместе с народом, ежедневно и ежечасно верить ход революции, политике партии, государства умонастроениями трудящегося человека. Потому я и старался по-

казать народ, крестьянскую среду первых послереволюционных лет — как Ленин черпает в широких массах силу, опору для своих трудов, и, в свою очередь, народ, народные массы видят в Ленине своего руководителя, наставника, вождя. Основопологающим началом я и принял поэтому, как и в прежних своих холстах о Ленине, именно разработку характеров, типов, составляющих крестьянскую массу,—единую в своем настроении и наполненную конкретными индивидуальностями, способными дать представление об историческом, социальном поле действия.

Не так давно у нас, в Академии художеств, шел обстоятельный разговор о картине. Очень справедливо, в частности, было сказано, что каждый художник по-своему представляет себе тип и построение картины — важно, чтобы на холсте оказались выражены большие мысли, представления о широких социальных явлениях. Мне по душе тот тип народной картины, который завещали великие русские мастера-реалисты, где глубина действия соединяется с историзмом, с жизненной правдой характеров. Считаю его наиболее емким,

наиболее способным выразить сущность тех идей, которые наше время задает труду художника.

Ленин для нас — живой. Хотим видеть его во всей правде и простоте. Этого я и придерживался в картине. И я стремился как бы связать дела и образ Ленина с днем нашим. В ходе работы над картиной не раз ездил в деревню Кашино. Теперь здесь все новое, прежней деревни двадцатого года не узнать. Но значит, тем более эта сегодняшняя современность, о которой думал, которую старался разглядеть в те давние годы Ленин, является воплощением ленинской мечты, ленинского дела...

Связь времен. Не зря с такой силой прозвучало недавно партийное, мудрое слово: воспитание историей. Славой, честью нашей революционной истории искусство призвано возвышать умы, зажигать сердца поколений новых и новых. Воспитание историей. И на главном направлении — мыслью, делом, образом Ильича!..

...На картине художника — народ и Ленин: год двадцатый, деревня Кашино.

● Д. Налбандян. «Год двадцатый. Деревня Кашино».